

DOI: 10.31857/S032103910010644-1

R. HIRSCH-LUIPOLD, M. TRAPP (Hrsg.). Ist Beten sinnvoll? Die 5. Rede von Maximus von Tyros eingeleitet, übersetzt und mit interpretierenden Essays versehen von Barbara E. Borg, Franco Ferrari, Alfons Fürst, Rainer Hirsch-Luipold, Michael Trapp, Vincenzo Vitiello. (SAPERE, XXXI). Tübingen, 2019. ISBN 978-3-16-156856-5

Очередной том из серии SAPERE (*Scripta antiquitatis posterioris ad ethicam religionemque pertinentia*) впервые посвящен Максиму Тирскому. В этой серии вышло уже несколько томов с сочинениями Плутарха, Лукиана, Диона Хризостома, в то время как речи Максима оставались без внимания. Это можно объяснить тем, что Максим Тирский долгое время считался автором, не заслуживающим особого внимания. В XIX и первой половине XX в. его считали софистом, поверхностно рассуждающим о философии, свидетельством чего является оценка, данная В. Крестом в его «Истории греческой литературы»: «Речи дошли до нас случайно, чего их содержание вовсе не заслуживает»¹.

Тенденция изменилась во многом благодаря работе М. Траппа, который в конце прошлого века подготовил новое критическое издание речей, написал статьи для ANRW и *Der Neue Pauly*, сделал английский перевод с комментариями. В течение последних 20 лет вышел полный немецкий, испанский и итальянский перевод речей, а также сборник статей, посвященных Максиму Тирскому². Само название сборника «*Maxime de Tyr, entre rhétorique et philosophie au IIe siècle de notre ère*» указывает на смену парадигмы в изучении корпуса. Очевидно, что наиболее продуктивен интердисциплинарный подход, при котором в равной степени учитывается литературный контекст Второй софистики и философский – среднего платонизма. Одностороннее рассмотрение текстов всегда приводило к предвзятым оценкам или к пренебрежению этими текстами. Новый подход, с одной стороны, показывает, как философия распространялась среди слушателей, не имевших философского образования, как при помощи риторических фигур оратор привлекал внимание слушателей. С другой стороны, исследователи Второй софистики часто ограничиваются именами, упомянутыми в «Жизнеописаниях софистов» Филострата, оставляя довольно большой объем текстов без внимания (корпус Максима насчитывает 41 речь). Как будет показано ниже, новое издание пятой речи основывается именно на интердисциплинарном подходе и уделяет особое внимание взаимному влиянию философской и риторической традиций. Поэтому можно сказать, что издание этой речи – очень важный этап в исследовании не только Максима Тирского, но также Второй софистики и среднего платонизма.

Выбор именно пятой речи из корпуса объясним не только тематической спецификой серии SAPERE, но также интересом к теме молитвы в научной среде в последнее время. В 2016 г. вышел сборник, посвященный молитве в платонической традиции, под редакцией Дж. Диллона и А. Тимотина, где опубликована обзорная статья О’Брайана о молитве у Максима³. В 2017 г.

Автор благодарит А.В. Белоусова за помощь в подготовке этого текста, а также А. Тимотина, любезно приславшего свою последнюю книгу, которая была необходима для написания рецензии.

¹ Christ 1905, 734.

² Fauquier, Pérez-Jean 2016.

³ O’Brian 2016, 58–72.

вышла монография А. Тимотины, посвященная этой же теме, в которой объемная глава, посвященная Максиму⁴, является доработанным вариантом опубликованной ранее статьи⁵. Эта речь вызвала интерес исследователей и раньше, о чем свидетельствует комментированный английский перевод ван дер Хорста⁶, а также первая глава в монографии Г. Сури⁷. Речь о молитве также переведена на русский И.И. Ковалевой⁸.

Издание состоит из введения, греческого текста с параллельным немецким переводом, комментария и пяти статей исследователей из разных областей: классической филологии, философии, археологии, теологии. Такой междисциплинарный подход — один из принципов издателей серии SAPERE.

Введение, написанное М. Траппом и Р. Хиршем-Луипольдом, разделено на 2 части: 1. «Понятие молитвы»; 2. «Автор». Сначала дается краткое введение в тему молитвы (главным образом, в античности), где приводятся основные тексты, связанные с этим вопросом. Первый раздел (1.1) посвящен роли молитвы в религиозной жизни древних, второй раздел (1.2) — молитве как проблеме античной философии, которую рассматривали Платон («Евтифрон», «Федр», «Законы»), Аристотель (несохранившийся трактат «О молитве»), псевдоплатоновский диалог «Алкивиад II».

Вторая часть введения состоит из двух разделов: 2.1. «Жизнь и контекст»; 2.2. «Произведение: речи и их слушатели». Раздел, посвященный жизни и историческому контексту, не представляет каких-либо новых сведений по сравнению со вступительной статьей Траппа к его английскому переводу⁹. Большая часть биографических сведений о Максиме сводится к отклонению сомнительных и ложных идентификаций или ассоциаций с другими историческими личностями II—III вв. н.э. Также даются краткие сведения об эпохе Второй софистики. Следующие подразделы, относящиеся к пункту 2.2., представляют большой интерес, так как являются результатом новых исследований Траппа в сочинениях Максима. Со времен статьи в ANRW¹⁰, английского перевода всех речей, статьи для *Der Neue Pauly*¹¹, которые вышли в 1990-е, Трапп опубликовал довольно мало новых материалов, посвященных именно Максиму. Небольшой обзор, который дается в статье о Максиме и Апулее в сборнике «Greek and Roman Philosophy 100 BC — 200 AD», по сути кратко пересказывает вышеназванные публикации¹². Поэтому очень примечательно, что разделы введения, о которых пойдет дальше речь, представляют собой не пересказ уже опубликованных ранее статей, но расширенный и переработанный материал, учитывающий все последние публикации о Максиме и о Второй софистике. О жанре диалексиса сказано довольно кратко (2.2.1.), зато много внимания уделено вопросу о публике, слушавшей Максима. Этому аспекту уделяется все больше внимания в последнее время, результатом чего являются новые подходы к изучению речей Максима. Если сравнить главы «Выступление и контекст» в английском переводе Траппа¹³ и раздел «Публика, ее образование и воспитательная цель речей» (2.2.2.), то становится очевидно, что поле исследования стало шире: больше внимания уделяется аудитории и ее подготовленности к восприятию философского материала. О выступлениях риториков I—III вв. н.э. как *performances* много писали Т. Уитмарш и Г. Андерсон¹⁴, но особенность речей Максима является их философское содержание, которое подразумевает подготовленность публики к восприятию материала. Поэтому их следует рассматривать в контексте Второй софистики, но привлекая для сравнения философские сочинения платоников этого времени. В качестве введения в корпус речей Максима всегда рассматривается *Or. 1*, в которой, согласно авторам вводной статьи, можно найти исчерпывающую информацию о целевой аудитории речей (с. 13). Следует отметить, что эта речь более других привлекала внимание исследователей и ей посвящены несколько

⁴ Timotin 2017, 81–105.

⁵ Timotin 2016, 163–181.

⁶ Van der Horst 1996.

⁷ Soury 1942.

⁸ Kovaleva 1990.

⁹ Trapp 1997a.

¹⁰ Trapp 1997b.

¹¹ Trapp 1999.

¹² Trapp 2007.

¹³ Trapp 1997a, xli–xlvi.

¹⁴ См. Anderson 1993, 55–68; Whitmarsh 2005, 23–40 с библиографией.

статей. Если ученые прошлого века (например, Г. Хобайн¹⁵) наибольшее внимание уделяли строению речи и риторическим фигурам, использованным автором, то авторы вводной статьи вслед за Дж. Лоуэрсом и Х. Кампос-Дарокой¹⁶ видят в ней протрептик. Такой подход открывает новые перспективы для исследования. Кампос-Дарока в своей статье, посвященной роли Сократа в речах Максима, говорит не только о протрептическом характере речей, но также о протрептической роли образа Сократа, который как образцовый философ должен привлекать слушателей к занятиям философией¹⁷. Цель речей Максима — привлечь юношей (*νεοί* *Or.* 1.7) к занятию философией, так как она будет им полезна, какую бы карьеру они ни выбрали (1.7). То, что речи обращены к юношам из обеспеченных семей, отмечалось и другими исследователями. Также и то, что слушатели должны были обладать теми знаниями, которые давали право называться *παιδείωνος* (история классической Греции, гомеровские поэмы). Прежние исследователи часто ограничивались упомянутыми выше ссылками из первой речи для реконструкции возможной аудитории Максима. Авторы рассматриваемого введения расширили границы, показав, что Максим обращается не только к образованным юношам, но также и к старшему поколению, которое может вспомнить полученные когда-то знания и расширить их за счет изящно изложенного философского материала (с. 15). Авторы введения отмечают, что слушатели должны знать имена философов, но не обязаны знать учение об анамнезе или учение о двухчастном разделении души на разумную и неразумную.

Большой интерес представляет следующий подраздел (2.2.2.1.), посвященный риторическим фигурам и коммуникативным стратегиям. Следует отметить, что авторы введения не ограничиваются материалом пятой речи, но привлекают весь корпус речей. Речь «О молитве», с одной стороны, хорошо структурирована и логически выстроена (с. 16), с другой стороны, в ней прекрасно представлен арсенал риторических приемов Максима, что дает возможность авторам введения выделить некоторые коммуникативные стратегии в пятой речи, имеющие параллели в других речах: миф в начале речи, заключительная молитва, иллюстративный материал из истории (Крез, Периандр, Дионисий, Писистрат, Фрасибул), мифологии (Мидас) и поэзии (цитаты из «Илиады»). Авторы введения дают очень точную формулировку цели, ради которой Максим использует эти аллюзии на мифологический и исторический материал: «В своем иллюстративном материале Максим обращается к классическому репертуару античной пайдеи, чтобы внушить слушателю идею о том, что сам оратор разделяет их культурные ценности, а также что философия — это не абсолютно новая, неизвестная область, но часть их общей системы ценностей» (С. 18–19).

Объемный раздел (2.2.2.2.), где речь идет о Максиме как учителе философии, также представляет большой интерес. В отличие от многих исследователей, которые вслед за И.Я. Райске презрительно называют Максима софистом¹⁸, рассуждающим на философские темы, авторы введения рассматривают речи Максима в более широком контексте. Для Максима, как и для Диона Хризостома или Апулея, философия не сводилась исключительно к строгой системе, как она изложена в «Учебнике» Алкиноя или «Введении» Альбина. Они рассматривают философию как образ жизни, способствующий достижению счастья. Поэтому, как верно отмечают Трапп и Хирш-Луипольд, Максима не следует называть эклектиком вслед за Сури и Кониарисом¹⁹, но скорее вслед за Диллоном — платоником, свободно использующим доступные ему философские тексты. Этим объясняются стоические черты, которые можно обнаружить в речах, в том числе и в пятой. Авторы введения указывают также на общие черты с Плутархом, платонизм которого также вобрал в себя черты других философских школ.

В третьей главе «О молитве»: тема, стиль, композиция дается краткий обзор структуры речи.

Особого внимания заслуживает четвертая глава, посвященная теме религии и философии в речах Максима «Боги и религия в педагогически-философских сочинениях Максима Тирского». Хотя эта тема затрагивается во многих исследованиях, полноценное рассмотрение религиозно-философских взглядов Максима можно найти только в диссертации Р. Родиха,

¹⁵ Hobein 1911.

¹⁶ Lauwers 2009, 593–607; Campos-Daroca 2016, 95–122.

¹⁷ Campos-Daroca 2016, 107–110.

¹⁸ Reiske 1774, III–V.

¹⁹ Soury 1942, 7; Koniaris 1983, 232–243.

опубликованной в 1879 году²⁰ (3 речи кратко и несколько поверхностно рассмотрены в книге Г. Сури²¹). Причина пренебрежения к этому аспекту корпуса — предвзятое суждение о Максиме как софисте, который поверхностно затрагивает серьезные философские вопросы. Авторы введения отказываются от оценочных суждений в духе «Алкиной — философия, Максим — риторика», но пытаются рассмотреть воззрения Максима как свидетельства о религиозной жизни интеллектуалов II—III вв. н.э. Речи Максима дают представления о том, какие вопросы интересовали образованную публику, не имеющую серьезного философского образования. В этой главе авторы пытаются систематически изложить взгляды Максима. В отличие от Б. Перес-Жан и Ф. Фокье, которые в 2014 г. издали перевод избранных речей²², посвященных религии и философии (*Or.* 1, 2, 4, 5, 8–9, 11, 38, 41), Трапп и Луипольд не ограничиваются вышеперечисленными речами для реконструкции взглядов Максима. Они отмечают, что исследователи часто используют именно этот набор, который условно называют «философским», не в последнюю очередь потому, что в названиях есть отсылки к философии (например, *Or.* 41 «Если бог благ, то откуда зло»)²³. Трапп и Луипольд выделяют основные темы и приводят все контексты, встречающиеся в корпусе. В разделе 4.1. «Философия и религиозная традиция в познании божества и общении с ним» речь идет о почитании статуй богов как способе общения с божеством. Очевидно, что основное внимание здесь уделено речи 2 «Следует ли почитать кумиры», но авторы привлекают также материал из речи 4 «Кто лучше говорит о богах: поэты или философы». Обычно в исследовательской литературе эти речи рассматриваются в разных контекстах: *Or.* 2 — почитание статуй богов в античности (например, этой речи посвящена глава в монографии В. Фатцо²⁴), *Or.* 4 — примирение Гомера и Платона (как и речи 17, 26). Трапп и Луипольд показывают, что эти речи взаимосвязаны, так как посвящены вопросу, как человек может изобразить или выразить божественное (с. 31).

В том же ключе написан и следующий раздел 4.2. «Связь между Богом и человеком: теология истории, этика, антропология, демонология и учение о душе». Следуя порядку речей в корпусе, авторы рассматривают речь 3 «Прав ли был Сократ, не защищаясь в суде» и 6 «Что такое знание», которые также редко привлекаются как материал для реконструкции философских взглядов Максима. Речи 7 и 8–9 также рассматриваются в контексте общения божества и человека: речь 7 «Какие болезни тяжелее: тела или души» относится к миру людей, а 8–9 «Что такое божество Сократа», «Еще раз о божестве Сократа» — к миру богов.

Раздел 4.3. «Всемогущая божественная справедливость и человеческая свобода» посвящен речам 11 «Что есть бог согласно Платону», 12 «Следует ли отвечать несправедливостью на несправедливость», 13 «Если есть мантика, что зависит от нас», на основе которых рассматриваются вопросы возможности познания божества и свободы человека. Трапп и Луипольд отмечают, что первая треть корпуса пронизана религиозно-философскими вопросами (*Or.* 1–13), поэтому именно ей они посвятили объемную главу во введении (с. 28–36).

Довольно краткая пятая глава «Максим как учитель философии и религиозно-философская литература эпохи империи» намечает основные пункты того интересного вопроса, который заявлен в теме. Очевидно, что невозможно подробно рассказать о религиозно-философском контексте этого времени и других литературных памятниках во вводной статье книги. Трапп и Луипольд отмечают сходство Максима с Плутархом, который также рассматривал многие религиозные вопросы в ключе платоновской философии (*De Pythiae oraculis*, *De genio Socratis*, etc.). С другой стороны, интерес Максима к вопросам этики и риторическая форма изложения сближают его с Дионом Хризостомом. Авторы введения подчеркивают, что для Максима, как и для других авторов этого времени, граница между философией и религией весьма условна.

Шестая глава посвящена рецепции корпуса Максима, и в первую очередь пятой речи. Авторы рассказывают об истории текста и схолиях на полях рукописи Parisinus Graecus 1962, которые показывают, что речи активно изучались и рассматривались наравне с сочинениями Альбина и Алкиноя как введение в платоновскую философию. До конца XVIII в. речи Мак-

²⁰ Rohdich 1879.

²¹ Soury 1942.

²² Fauquier, Pérez-Jean 2014.

²³ Здесь следует заметить, что почти все исследователи считают названия не аутентичными, но поздним добавлением одного из переписчиков.

²⁴ Fazzo 1977, 137–180.

сима были довольно популярны, на что указывает, например, тот факт, что Вольтер начинает статью «Prières» в «Философском словаре» с речи Максима о молитве (с. 41).

В конце введения отмечено, что текст почти не отличается от издания Траппа, кроме трех мест в главе 5. Комментарий к тексту в основном посвящен философским реалиям, поэтому постоянно приводятся параллели с Платоном, Марком Аврелием и другими философами. В начале речи, где рассказывается о Мидасе, получившем способность все превращать в золото, комментаторы подробно сравнивают текст Максима с Овидием (*Met.* 11. 85–145), хотя сами признают, что эта история засвидетельствована во многих источниках (Хен. *Anab.* 1.2.13; Paus. 1.4.5; Hugin. *Fab.* 191). Грамматический комментарий появляется только в тех случаях, где требуется объяснение того или иного чтения, принятого издателями.

Вторую часть книги представляют собой статьи исследователей из разных областей: это один из принципов издания серии SAPERE. Вопросу о влиянии Платона на Максима Тирского посвящена статья Ф. Феррари, специалиста по античной философии из университета Салерно, «Философия как истинная молитва. Платонические черты в пятой речи Максима Тирского». Объемный текст, разделенный на 7 глав, дает сначала обширное введение (1, 2 главы), а затем рассматривает отдельные тезисы речи в свете платоновского учения. Феррари, как и авторы введения, не вычеркивает Максима из числа философов, но показывает, что к речам Максима можно отнести определение, которое Флавий Филострат дает древней софистике (ῥητορικὴ φιλοσοφία). Далее автор статьи подробно рассматривает вопрос о принадлежности Максима к какой-либо философской школе и приходит к тому же выводу, что раньше него высказал Трапп: Максим использует весь доступный ему материал, не относя себя к какой-либо школе, отвергая только эпикуреизм. В 3–7 главах Феррари показывает, что в теме молитвы Максим выражает полное согласие с догматическим платонизмом его эпохи (с. 80). Выделяя отдельные пункты учения Максима о молитве, автор приводит параллели к ним из диалогов Платона. Это вовсе не свидетельствует о прямых заимствованиях из Платона у Максима, но скорее указывает на знание им традиции.

Если статья Феррари представляет собой описательный обзор, то статья Луипольда «Достоинство против упорства. Теория и практика молитвы у Максима Тирского в сравнении с Евангелием от Луки, “Иосифом и Асенет” и Плутархом» дает сравнительный анализ идей Максима на широком фоне I–II вв н.э. Будучи специалистом по Новому Завету, автор привлекает в качестве сравнительного материала тексты из разных литературных традиций. Ключевым моментом в сравнении этих текстов является идея о заслуженной и незаслуженной божественной помощи. Луипольд обращает внимание на частотное употребление прилагательного ἄξιος в тексте Максима. В пятой речи выделяются две предпосылки для получения помощи от божества: достоинство (Würdigkeit) и полезность (Zuträglichkeit). Если человек достоин того, что он просит у бога, то бог сам предоставит ему то, в чем он нуждается. Поэтому нет смысла в молитве-просьбе. Также бог, как врач, лучше знает, полезно или нет человеку то, что он просит. Божественный промысел не дает человеку то, что может ему навредить.

Идея о заслуженных благодеяниях, которую Максим развивает в главах 3 и 7, совершенно неприемлема для христианской или иудейской традиции. Луипольд отчетливо показывает это различие: «Как для христианского, так и для иудейского уха идея достоинства особенно проблематична» (с. 100). В качестве примера автор приводит несколько сюжетов из Евангелия от Луки, где люди, обращающиеся к Богу, говорят, что они не достойны его милости: притча о вдове, приходящей к неправедному судье (Лк. 18: 2–8), притча о мытаре и фарисее (Лк. 18: 10–13), история о грешнице, принесшей сосуд с миром и омывшей ноги Иисуса (Лк. 7: 36–50). Указав на различие в содержании, Луипольд показывает некоторые схожие черты, относящиеся к форме. Христос в притчах, как и Максим в своих речах, использует для иллюстрации своих идей образы, связанные с властью: врач, полководец, судья (с. 109). Аргумент a minore ad maius используется у Максима в 5.3, в Евангелиях – регулярно (если люди способны к благодеяниям, насколько лучше божественные блага)²⁵. Привлекая материал из романа об Иосифе и Асенет, Луипольд показывает, что он ближе к евангельской традиции, чем к идеям Максима (с. 110–112). Рассматривая тексты Плутарха, где тема молитвы появляется лишь sporadically, автор приходит к неожиданному выводу, что Плутарх в этом аспекте ближе к идеям «Иосифа и Асенет», чем к Максиму (с. 114). Свой тезис он иллюстрирует речью Аммония из диалога Плутарха

²⁵ «Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святаго просящим у Него» (Лк. 11: 13).

«О “Е” в Дельфах» (*De E* 17.392A). Следует сказать, что эта статья заслуживает особого внимания, так как охватывает обширный материал, но не переходит в поверхностное обозрение. Автор привлекает антропологический, философский, теологический материал, но все время опирается на тексты.

Следующая объемная статья А. Фюрста посвящена молитве у Оригена: «Молитва как свободное действие. К философским аспектам сочинения Оригена о молитве». Она разделена на 4 главы: философия молитвы, возможность молитвы, необходимость молитвы, молитва как разговор с богом и молитвенная практика. Хотя в качестве основной темы заявлено сочинение Оригена о молитве, автор статьи дает обширные экскурсы в языческую и христианскую традицию. Так как сам Ориген в своих речах излагает мнения философов о молитве, Фюрст подробно пересказывает идеи «Алкивиада II», Эпиктета, Максима Тирского и неоплатоников. В первой главе автор дает краткую историю вопроса. Во второй главе рассматривается вопрос о возможности молитвы, с которого начинается свою речь Ориген. Если в представлении античных авторов («Алкивиад II», Максим) молитва невозможна, то согласно Оригену христианам эту возможность дает Святой дух²⁶.

В третьей главе, посвященной тому, есть ли смысл в молитве, Фюрст сравнивает учение Оригена о свободе воли с представлениями древних о судьбе. Надо отметить, что автор очень подробно излагает учения стоиков, платоников и перипатетиков по этому вопросу. В конце главы он возвращается к Оригену, который наравне с Плотинем должен быть назван основателем метафизики свободы. Молитву Ориген рассматривает как общение двух свобод, ведущее к их единению: нетварной свободы Бога и сотворенной свободы человека.

Последняя глава статьи посвящена молитве как общению с божеством. В этом пункте представления языческих и христианских писателей схожи. Фюрст показывает, что правильная молитва — это общение с божеством и средство для соединения души с божественным. Фюрст приводит большое количество отрывков из Плотина, Ямвлиха, Порфирия и Прокла, а затем на материале текстов Климента Александрийского, Оригена, Дионисия Ареопагита показывает, что «христианские платоники ничем не отличаются в этом вопросе от своих языческих коллег» (с. 143).

Статья Фюрста, хотя формально посвящена Оригену, охватывает такой обширный материал, что может послужить хорошим введением в тему молитвы в античной философии. Хорошо структурированное и ясное изложение показывает основные проблемы, интересовавшие философов древности.

Статья «Иконография молитвы» Барбары Борг, профессора классической археологии университета Эксетера, посвящена иконографии молитвы в античных памятниках. Автор рассматривает общие тенденции в изображении фигур типа *orans* в памятниках искусства V в. до н.э. — III в. н.э., намеренно опуская изображения с жертвоприношениями. На этих памятниках (фресках, саркофагах) обычно фигурирует женщина. Автор уделяет внимание не только античным рельефам, но рассматривает также изображения христианского времени.

Последняя статья Винченцо Витьелло «Религиозно-философские размышления о молитве Эдипа и Иисуса» представляет собой скорее философское эссе, чем исследовательскую статью. Автор, специалист по теоретической философии, сравнивает языческую и христианскую молитву. В качестве примера для языческой молитвы он рассматривает трагедию Софокла «Эдип в Колоне», анализируя разные отрывки и общую сюжетную линию. В качестве христианской параллели Витьелло берет молитву в Гефсиманском саду. Большая часть статьи посвящена именно христианской молитве. Автор уделяет особое внимание кенозису Христа в контексте моления о чаше.

В заключение следует сказать, что рецензируемое издание может послужить прекрасным введением в сочинения Максима Тирского, а также дает представление об осмыслении проблемы молитвы в античной философии.

Литература / References

- Anderson, G. *Sage, Saint and Sophist. Holy Men and Their Associates in the Early Roman Empire*. London—New York, 1994.
- Campos-Daroca, F.J. 2016: Maxime de Tyr, Socrate et les discours selon la philosophie. In: F. Fauquier, B. Pérez-Jean (éds.), *Maxime de Tyr, entre rhétorique et philosophie au IIe siècle de notre ère*. Montpellier, 95—122.

²⁶ Ориген ссылается на слова ап. Павла: «Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим. 8: 26).

- Christ, W. 1905: *Geschichte der griechischen Literatur bis auf die Zeit Justinians*. 4. Aufl. München.
- Fauquier, F., Pérez-Jean, B. 2014: *Maxime de Tyr. Choix de conférences. Religion et philosophie*. Texte établi par M. Trapp, introduit, traduit du grec et annoté par Brigitte Pérez-Jean et Frédéric Fauquier. Paris.
- Fauquier, F., Pérez-Jean, B. (éds.) 2016: *Maxime de Tyr, entre rhétorique et philosophie au IIe siècle de notre ère*. Montpellier.
- Fazzo, V. 1977: *La giustificazione delle immagini religiose dalla tarda antichità al cristianesimo. I. Tarda antichità*. Napoli.
- Hobein, H. 1911: Zweck und Bedeutung der ersten Rede des Maximus Tyrius, In: *XAPITEΣ F. Leo zum 60. Geburtstag dargebracht*. Berlin, 188–219.
- Koniaris, G.L. 1983: On Maximus of Tyre: Zetemata (II). *Classical Antiquity* 2/2, 212–250.
- Kovaleva, I.I. (transl.) 1990: [Maximus of Tyre. On prayer]. In: A.A. Takho-Godi, I.M. Nakhov (eds.), *Antichnost' v kontekste sovremennosti [Antiquity in Modern Context]*. Moscow, 196–204.
- Максим Тирский. О том, следует ли молиться. Пер. И.И. Ковалевой. В сб: А.А. Тахо-Годи, И.М. Нахов (ред.), *Античность в контексте современности*. М., 196–204.
- Lauwers, J. 2009: The rhetoric of pedagogical narcissism: philosophy, philotimia and self-display in Maximus of Tyre's first oration. *Classical Quarterly* 59/2, 593–607.
- O'Brian, C. 2016: Prayer in Maximus of Tyre. In: J.M. Dillon, A. Timotin. (eds.), *Platonic Theories of Prayer*. Leiden–Boston, 58–72.
- Reiske 1774: *Maximi Tyrii Dissertationes ex recensione Ioannis Davisii Colleg. Regii Cantab. Praesidis Editio Altera ad duos codd. mss. emendata notisque locupletioribus aucta cui accesserunt Ier. Marklandi Coll. D. Petri Cantabrig. Socii Annotationes. Recudi curavit et annotatiunculas de suo addidit Io. Iacobus Reiske*. I–II. Lipsiae, 1774–1775.
- Rohdich, R. 1879: *De Maximo Tyrio theologo*. Breslau.
- Soury, G. 1942: *Aperçus de philosophie religieuse chez Maxime de Tyr, platonicien éclectique. La prière, la divination, le problème du mal*. Paris.
- Timotin, A. 2016: Le discours de Maxime de Tyr sur la prière (Dissertatio V) dans la tradition platonicienne. In: F. Fauquier, B. Pérez-Jean (eds.), *Maxime de Tyr, entre rhétorique et philosophie au IIe siècle de notre ère*. Montpellier, 163–181.
- Timotin, A. 2017: *La prière dans la tradition platonicienne, de Platon à Proclus*. Turnhout.
- Trapp, M.B. (ed., transl.) 1997a: *Maximus of Tyre. The Philosophical Orations*. Oxford.
- Trapp, M.B. 1997b: Philosophical sermons: the “Dialexeis” of Maximus of Tyre. In: W. Haase (ed.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II.34/3. Berlin–New York, 1945–1976.
- Trapp, M.B. 1999: Maximus von Tyros. In: H. Cancik, H. Schneider (Hrsg.), *Der Neue Pauly*. Bd. 7. Stuttgart, 1074–1075.
- Trapp, M.B. 2007: Apuleius of Madauros and Maximus of Tyre. In: R.W. Sharples, R. Sorabji (eds.), *Greek and Roman Philosophy 100 BC – 200 AD*. Vol. 2. London, 467–482.
- Van der Horst, P.W. 1996: Maximus of Tyre on prayer: an annotated translation of Εἰ δεῖ εὐχεσθαι (Dissertatio 5). In: H. Cancik, H. Lichtenberger, P. Schäfer (Hrsg.), *Geschichte – Tradition – Reflexion: Festschrift für Martin Hengel zum 70. Geburtstag*. Bd. 2. *Griechische und römische Religion*. Tübingen, 323–338.
- Whitmarsh, T. *The Second Sophistic*. Oxford, 2005.

Grigory S. Belikov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: grbelikoff@gmail.com

Г.С. Беликов,

ассистент кафедры древних
языков исторического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия